

Завидное чувство Анны Матвеевой

«Завидное чувство Веры Стениной» – роман, презентованный в библиотеке поселка Рефтинский автором Анной Матвеевой, – пришелся по душе любителям текущей словесности, хотя и вызвал споры по поводу, что называется, «авангардной» манеры

Особенно книга задела интересы тех читателей, которые по-прежнему, по привычке, ценят в литературе дидактику, деление героев на положительных и отрицательных, а не, условно говоря, «апокалиптическое» содержание. Смерть в романе, собственно, лишь одна – гибель одноклассника. Несмотря на то что действие происходит в лихие, горячие девяностые годы двадцатого столетия, когда, по словам прозаика, произошло деление на простых людей и преступников, а потом – на обыкновенных и олигархов. Образ недолговечности, богооставленности, конечно же, присутствует в замечательном тексте о зависти и других смертных грехах. Но они у Анны Матвеевой ничего общего не имеют с религиозными канонами. Социально-психологические особенности двух героинь – Веры, которая учится на искусствоведческом факультете, и Юли, готовящейся стать журналистом, – художественно вышучиваются. «Внутри Веры жила зараза по имени зависть», которая в образе летучей мыши могла «накручивать круги», могла быть «разъяренной» и т. д. Это о Vere Стениной (Неврастениной).

Юность подруг проходила в середине девяностых в конкретном городе, столице Среднего Урала Екатеринбурге, как, собственно, и у самого автора книги «Завидное чувство...». Для современниц Анны это годы юности, любви «в переулке Встречном», секса (прощание с «детственностью» – так, глумясь, Вера называла свое целомудрие), внебрачного рождения деток, сложных отношений с близкими («боюсь, мама зарежет бабушку») и т. д. Обе девушки талантливы, живут искусством, читают, посещают выставки, концерты – это их духовная жизнь. Но сюжетом читатель может пренебречь. Самое главное в книге – язык, авторский синтаксис, семантика.

Анна сказала, что не может не писать. Однако это ее заявление ничего общего, естественно, не имеет с графоманией. Ее слог, эрудиция заставляют и мысль читателя работать активно, приобретая постоянно новые знания. Сама композиция ее сочинений,

не что иное, как пересечение различных взглядов, настраивает на общение. Читатель словно становится соавтором. Образованность автора коррелируется с мировым искусством, литературой, начиная с Гомера. Книга исполнена в эксклюзивной манере, «без пены», как выразился один из читателей.

Дружба-вражда двух приятельниц продолжается, время идет, «утекает, как пластилиновые часы Сальвадора Дали», а за окном у подружек всегда не только Грабарь, Левитан, но и палитра Брейгеля, и вообще все искусство, что порой дороже всякой любви и что способно примирить человека с жизнью. Кажется, интеллигентные барышни особенно переполнены живописью: Вера, к примеру, находясь в Лувре, у «Джоконды», убегает поплакать к окну, где ее, зареванную, со словами «...она – Джоконда – про меня все знает» отыскивает Юля, успокаивая подругу... Роман начинается криком новорожденного ребенка и заканчивается оптимистическим криком – приветствием рождающегося нового чувства... Значений у этой символики тоже не счесть.

Эпиграфом к заключительной главе романа его автор выбрала слова патриарха мировой литературы Х.Л. Борхеса: «Писатель всю жизнь пишет книги ради одной страницы и пишет страницы ради одной строки». На любой из страниц романа Анны Матвеевой читателя ждет встреча с экспрессией, рельефностью художественного слова прозаика. По сочинениям Матвеевой, переведенным на европейские языки, иностранный «потребитель словесности» может составить свое представление о молодой российской литературе новейшего времени.